

Переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина в русской и славянской филологии

Известно, что с самого начала славистики как науки исследователей занимали вопросы о жизни и деятельности Константина-Кирилла и Мефодия, о происхождении двух древнейших славянских графических систем и времени их создания, о диалектной основе языка первых славянских просветителей.¹ С выходом в 1824 г. труда русского слависта К. Ф. Калайдовича «Иоанн Экзарх Болгарский»² начинается новая фаза в истории славистических изысканий — изучение дальнейшего развития кирилло-мефодиевских традиций в православном славянском мире. Есть, может быть, логика в том, что эта знаменитая монография, заложившая основы русской славистической науки, посвящена именно Иоанну Экзарху, крупнейшему представителю староболгарской литературы старшей поры, лидеру культурного кружка просвещенного болгарского царя Симеона (893—927). Далекое не случайно, между прочим, что всего год спустя после выхода в свет книги Калайдовича в России были опубликованы еще два замечательных славистических труда: русский перевод классической книги Й. Добровского «Кирилл и Мефодий — славянские первоучители»³ с некоторыми существенными дополнениями переводчика М. Погодина (среди них — первая публикация известной «Азбучной молитвы» Константина Преславского) и Описание рукописного собрания графа Ф. А. Толстого.⁴

Значение труда К. Ф. Калайдовича можно обобщить в нескольких планах.⁵ Он дает развернутое представление о роли Иоанна Экзарха в становлении и развитии старославянских литератур. В книге напечатаны отрывки из главных переводных и оригинальных (вернее, компилятивных) трудов староболгарского книжника — перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина («Небес»), «Шестоднева» и «Слова на Вознесение». Целиком были опубликованы и несколько других, более или менее связанных с именем Иоанна Экзарха: Предисловие (Пролог) Экзарха к его переводу «Богословия»,

¹ Ягич И. Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии СПб, 1893

² Калайдович К. Ф. Иоанн, Экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы IX и X столетий М, 1824

³ Добровский Й. Кирилл и Мефодий — славянские первоучители М, 1825

⁴ Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей графа Ф. А. Толстого М, 1825

⁵ О значении труда Калайдовича для славистики Ягич с полным основанием писал, что «он был результатом < > его [Калайдовича] многолетних разысканий по рукописям Синодальной библиотеки < > он обогатил тогдашние довольно скромные сведения по церковнославянской письменности древнейшего южнославянского (болгарского) периода таким количеством новых данных, что даже знатоки вроде Добровского пришли в недоумение» (Ягич И. История славянской филологии СПб, 1910 С 167—169)

«Грамматика» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха («О восьми частях слова») и «О письменах» Черноризца Храбра.

Калайдовичем начато также сопоставительное изучение славянских переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина. Известно, что «Богословие» является третьей частью компендиума Дамаскина «Источник знания». В частности, исследователь сопоставляет перевод Иоанна Экзарха с более поздними переводами этого сочинения Епифания Славинецкого (XVII в.) и Амвросия, архиепископа Московского (вторая половина XVIII в.), заключая при этом: «Перевод Иоаннов, несмотря на глубокую древность, чист и ясен; Епифаниев, по излишней буквальности, иногда темен». ⁶ «Эта высокая оценка остается непоколебленной и в наши дни», ⁷ — обобщает современный медиевист-языковед, и это, на наш взгляд, весьма показательно. Другими словами, Калайдович дает в своей книге ясное представление об уровне языкового и переводческого умения староболгарского писателя (нельзя не отметить, что после длительных дискуссий и сомнений наука, в целом, снова вернулась к заключениям Калайдовича).

Русский славист указал и на отношение Иоанна Экзарха к текстам Священного Писания, отмечая при этом, что он их дает в своем собственном переводе. Это наблюдение послужило ориентиром для выявления переводческих принципов Экзарха; более того, он относится вообще к целокупному пафосу книги К. Ф. Калайдовича, направленному на выявление авторской специфики книжника.

Однако дальнейшее развитие идей Калайдовича произошло не так просто и далеко не сразу. Слависты продолжали заниматься наследием Константина-Кирилла и Мефодия и эпохой болгарского царя Симеона в целом, но не конкретно Иоанном Экзархом; общий подъем славистических исследований мало коснулся староболгарского писателя. ⁸ По этой причине в 1855 г. О. М. Бодянский с неудовлетворением замечает: «...с тех пор (т. е. после выхода книги Калайдовича. — Х. Т.) доселе наши сведения об Иоанне Экзархе и знакомство с творениями его ни на волос не продвинулись вперед». ⁹ Сам Бодянский, чувствуя потребность славистики в изданиях древних текстов, подготовил к печати крупнейшие труды Иоанна Экзарха — «Небеса» и «Шестоднев», которые по ряду причин были изданы только тридцать лет спустя. Долгожданный новый этап в изучении литературного наследия Иоанна Экзарха наступил с выходом в свет известного «Описания рукописей Московской Синодальной библиотеки», и в частности второго его тома. ¹⁰ Авторы «Описания» сделали подробное палеографическое, языковое и литературно-историческое описание старейшего списка «Небес» — Синод. 108 (155) и вместе с этим подвергли глубокому научному анализу ряд проблем (что вообще характерно для их археографического метода). Горский и Невоструев перечислили главы, переведенные Экзархом (из всех 100 глав «Богословия» он перевел 48), и указали на их греческие источники. Они обратили также внимание на влияние одного отрывка из «Небес» на древнерусское «Слово о Борисе и Глебе». Исследователи тонко отметили и проанализировали отношение староболгарского книжника к греческому тексту Иоанна Дамаскина, указывая при этом на некоторые довольно самостоятельные фрагменты, принадлежащие Иоанну Экзарху. Следует специ-

⁶ Калайдович К Иоанн, Экзарх Болгарский С 37

⁷ Верещагин Е М К дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей М, 1983 С 64

⁸ См, например Шафарик П И Расцвет славянской письменности в Болгарии М, 1848, Палаузов С Век болгарского царя Симеона СПб, 1852

⁹ Бодянский О М О времени происхождения славянских письмен М, 1855 С 50

¹⁰ Горский А В, Невоструев К И Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки М 1859 Отд II, ч 2 С 288—307

ально отметить весьма плодотворный разбор языка славянского перевода: Горский и Невоструев обратили внимание на ряд специфических для Экзарха слов и выражений: *добродавць, собьство, съставъ, творьць, доброчьстьнь, чиститель* (священник), *крады и требища идольская, чувство* (в значении силы чувствования и органа), *рѣзильник* (ножницы), *оусьмь* (кожа), *небонь* (ибо), *имъже, творитьва* и др. Эти многочисленные примеры доказали, что перевод Иоанна Экзарха во всей своей сложности «хорош, ясен и свободен». К этому надо добавить, что в труде Горского и Невоструева была описана и другая рукопись, содержащая текст «Небес», — Синод. 156 (442), XVI в. В этом списке перевод Иоанна Экзарха находится в окружении так называемой «Грамматики» («О восьми частях слова») и «Диалектики» Иоанна Дамаскина, перевод которых приписывается древнерусскими книжниками Экзарху. Очень существенны их наблюдения над текстом последних двух сочинений: согласно мнению авторов, они не являются подлинными переводами Экзарха. «Грамматика» была составлена, а «Диалектика» была переведена в XIII—XIV в. на славянском юге.¹¹

Таким образом были созданы необходимые предпосылки для издания самого текста «Небес» и дальнейшего его исследования на разных научных уровнях. Издание было осуществлено благодаря усилиям А. Н. Попова, который опубликовал уже подготовленный О. М. Бодянским текст старейшего списка «Небес» «буква в букву и слово в слово».¹² В своей работе по подготовке текста Попов столкнулся с некоторыми трудностями, сам он пишет по этому поводу: «В бумагах покойного (т. е. Бодянского. — Х Т.) не оказалось ни руководящего предисловия, ни указания на те списки, из коих приводились варианты, ни самих вариантов».¹³ Издатель полагал, что Бодянский приводил варианты из двух волоколамских списков, указанных Калайдовичем, — Синод. 156 (442) и МДА 145. Однако Попов ошибся: как позже выяснилось из материалов, попавших в библиотеку ОИДР (и оставшихся неизвестными Попову), Бодянский пользовался 10 списками «Небес».¹⁴ Исследователем была проделана большая работа по сравнению подготовленного Бодянским текста с рукописным подлинником; в результате он нашел около 200 неточностей в тексте Бодянского. А. Н. Попов исправил также много описок и неверно прочитанных писцами слов в самой рукописи.¹⁵

Заслуживает внимания и тот факт, что еще в своем описании библиотеки А. И. Хлудова (1872) Попов обратил внимание на находящийся в рукописи № 60 полный русский перевод «Богословия» Иоанна Дамаскина, сделанный князьями Курбским и Оболенским¹⁶ (как выяснилось потом, в период 1575—1579 гг.), и провел сопоставление его текста с текстом древнейшего славянского перевода Иоанна Экзарха. Это сопоставление Попов напечатал и в своем Предисловии к изданию О. М. Бодянского.¹⁷ Таким образом в науку не только был введен первый русский перевод «Богосло-

¹¹ Там же С 311—318

¹² Бодянский О М Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки М, 1878 С 3 442

¹³ Попов А Н Предисловие // Бодянский О М Богословие Иоанна Дамаскина С 1

¹⁴ См подробнее Соколов Е И Библиотека Имп ОИДР Вып 2 Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г включительно М, 1905 С 624—625

¹⁵ Попов А Н Предисловие С 5—20

¹⁶ На самом деле честь открытия «Богословия» в переводе Курбского принадлежит М Оболенскому Оболенский М О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина // Библиографические записки 1858 Т 1, № 12 С 355—366

¹⁷ Попов А 1) Описание рукописей и книг церковной печати библиотеки А И Хлудова М 1872 С 99—119 2) Предисловие С 25—69

вия» Иоанна Дамаскина, но и была начата серьезная работа по выяснению действительной новизны перевода Курбского. Эту работу продолжил А. С. Архангельский, который отметил все глоссы на полях перевода «Богословия» Курбского — уже по другому списку, № 193 из Румянцевского собр. По этой же рукописи Архангельский отыскал и опубликовал и глоссы к переводу «Диалектики» Андрея Курбского.¹⁸

Вторая половина XIX в. — это расцвет русских научных академических школ, в том числе и русской археографии, благодаря интенсивной работе по описанию важнейших русских рукописных собраний (Троице-Сергиевой лавры, Московской Духовной Академии, частных коллекций Хлудова, Уварова, Титова, Щукина, Вяземского, собраний Иосифо-Волоколамского, Воскресенского и Соловецкого монастырей, региональных собраний Северной Руси и др.), по изданию археографических ежегодников (например, Отчетов Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге), по разысканию новых рукописей. В описаниях был отмечен ряд новых списков «Небес» — заметим, что только в описании рукописного собрания Соловецкого монастыря указаны 11 неизвестных списков сочинения.¹⁹ Эту констатацию можно отнести и ко многим другим оригинальным и переводным памятникам древнерусской литературы и старославянской письменности в целом. Нужно было бы обобщить эти разыскания, что действительно и произошло в конце века. В 1893 г. Е. Петуховым были указаны (с краткой археографической характеристикой) 21 список «Небес» и некоторые отрывки сочинения.²⁰ В своих «Рассуждениях...» (1896) В. Ягич издал и подробно прокомментировал ряд текстов из литературного окружения «Небес» в рукописной традиции: «О письменах» Чернорица Храбра, Предисловие Иоанна Экзарха к «Небесам», «О восьми частях слова», Определение философии Константина-Кирилла в его пространной редакции, различные грамматические сочинения («Простословие», «Донатус» и др.).²¹

Предисловие Экзарха к «Небесам» опубликовано по Синод. 108 (155) с разночтениями по МДА 145.²² При этом Ягич отмечает «удивительную простоту взглядов» староболгарского книжника, что — в свете новых исследований — мало обосновано. Исследователь отмечает также, что «Предисловие Иоанна Экзарха Болгарского сохранилось не только в разных списках „Богословия“, но также отдельно — как статья, важная в отношении грамматическом, содержащая напутствие для переводчиков старого времени». Издавая сочинение «О восьми частях слова» в его южнославянской (скорее всего, сербской) и русской редакции, он подробно остановился на вопросе о структуре грамматического изложения, происхождении источников и времени составления первоначального текста. Продолжая во многом наблюдения Горского и Невоструева, Ягич с некоторыми новыми аргументами присоединяется к их мнению о позднем составлении «О восьми частях слова» — где-то на славянском юге.²³

¹⁸ Архангельский А. С. Очерки из истории западно-русской литературы XVI—первой половины XVII вв. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI—первой половины XVII в. М., 1888. Приложения С 88—166.

¹⁹ [Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Т. 1. С. 386—394.

²⁰ Петухов Е. Болгарские литературные деятели древнейшей эпохи на русской почве // ЖМНП. 1903. Ч. 286, апрель. С. 311, ср. Карпов А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877. С. 24—26.

²¹ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб. 1896. (Отт. из «Исследований по русскому языку» СПб. 1885—1895. Т. 1.)

²² Там же. С. 32—34.

²³ Там же. С. 40—77 (издание текста и анализ).

Интенсивные археографические поиски и особенно издание текстов «Небес» и «Шестоднева» (он издан почти параллельно с «Небесами») ²⁴ создали благоприятную основу для углубленного изучения языка Иоанна Экзарха. И действительно, в конце XIX—начале XX в. были опубликованы два весьма интересных (хотя и далеко не бесспорных) исследования языка староболгарского переводчика и писателя — работы В. Вондрака и А. Лескина.

В своем труде «О языке Иоанна Экзарха Болгарского» Вондрак проделал тщательную работу по описанию и анализу практически всех почти языковых особенностей Экзарха; их можно обобщить так:

— Лексика Иоанна Экзарха показывает ясно выраженную связь с языком древнейших славянских письменных памятников — Зографского и Мариинского евангелий (X в.) и Ключовского сборника (XI в.); с другой стороны, однако, она имеет и свои специфические восточноболгарские черты.

— Вондрак исследовал графические и синтаксические особенности «Небес» и «Шестоднева» в сопоставлении с другими сочинениями, рассмотрено также и склонение имен собственных.

— В работе проанализированы все различия между «Небесами» и «Шестодневом» в библейских цитатах.

— Впервые был подвергнут рассмотрению язык двух торжественных слов Иоанна Экзарха — «Слова на Вознесение» и «Слова на Преображение». ²⁵

Заслуживает самого пристального внимания и работа А. Лескина «Переводческое искусство Иоанна Экзарха». Приводя многочисленные примеры, исследователь заключает, что, по всей вероятности, Иоанн Экзарх не так хорошо знал греческий язык: особенно неудачно он переводит философские и богословские термины. Например, греч. ἀρετή (добродетель) он переводит разными славянскими словами: *добръ изборъ, доброта, изволение добро, благовольтво, благодѣство, благоволение, благодать* (в других случаях как «благодать» переводит греч. χάρις). Или прилагательное λογικός, которое Экзарх переводит как *разоумнь, мыслнь, словеснь*. ²⁶

Кстати, эти специфические черты переводов староболгарского книжника были отмечены еще Калайдовичем, Горским и Невоструевым, ²⁷ но они их объяснили реальными трудностями, с которыми столкнулся переводчик. Другими словами, исключения у Горского и Невоструева Лескин выдвигает на уровень правила. Благодаря ряду современных исследований, негативную оценку Лескина можно считать отвергнутой в науке. ²⁸ К сожалению, скептицизм Лескина остановил процесс исследований более чем на полвека.

Следует отметить и наблюдения А. И. Яцимирского, который обращает внимание на два списка с нового полного перевода «Богословия», сделанного в XVIII в. замечательным богословом, писателем и переводчиком Паисием Величковским. Списки находились в библиотеке румынского монастыря в Нямцу (вернее, один из них, другой только числился в описи монастырских книг). ²⁹ Однако как списки (нынешнее местонахождение которых

²⁴ Бодянский О. М. Шестоднев, составленный Иоанном екзархом болгарским по характернейшему списку Московской Синодальной библиотеки 1263 г. М., 1879

²⁵ Vondrak V. O mlúve Jana Exarha Bulgarskeho Praha, 1896

²⁶ Leskin A. Die Übersetzungskunst der Exarchen Johannes // Archiv für slavische Philologie Berlin, 1903 Bd 25 S 48—66

²⁷ Калайдович К. Иоанн, Экзарх Болгарский С 37, Горский А. В., Невоструев К. И. Описание С 305—307

²⁸ См. например Hansak E. Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // Palaeobulgarica 1977 Т 1, ч 3 С 33—59

²⁹ Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек СПб 1905 С 555 794

неизвестно), так и вообще деятельность Паисия Величковского, к сожалению, изучены крайне неудовлетворительно. Между тем исследования подобного рода пролили бы свет на роль православной духовно-аскетической оппозиции в Синодальный период истории русской церкви.

После этих поистине плодотворных исследований наступил длительный (полувековой) перерыв в изучении особенностей текста и рукописной традиции «Небес», что вообще прослеживается в истории существования этого памятника: за периодами оживления следуют периоды продолжительного затишья. Только в 1962 г. (если не считать содержательной работы А. Вайана, которая посвящена Предисловию Иоанна Экзарха к «Небесам»)³⁰ проблема жизни и писательской деятельности Иоанна Экзарха была вновь выдвинута Э. Георгиевым.³¹ По сути, Георгиев обобщает достижения славистики XIX—начала XX в., да и само заглавие его книги как бы воспроизводит заглавие и пафос уже упомянутого нами труда П. И. Шафарика «Расцвет славянской письменности в Болгарии». Значение книги Э. Георгиева (несмотря на целый ряд дискуссионных утверждений и постановок) состоит в том, что она возобновила научный интерес к такой крупной фигуре, как Иоанн Экзарх, и в том числе, конечно, к его переводу «Богословия». Однако для реализации новых, современных исследований не хватало критических изданий основных трудов Экзарха и приписываемых ему творений. Вместе с этим был поставлен и вопрос об издании полных славянских переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина — уже известного перевода Андрея Курбского и новонайденного южнославянского перевода XIV в. В период 1963—1987 гг. критическое издание этих текстов (оно продолжается и по сей день) было в большой степени осуществлено. Результаты этого издательского оживления можно представить в систематическом виде примерно так:

1. Издания «Богословия» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха («Небес»).
2. Издания составных частей рукописного окружения «Небес».
3. Издания других (полных и частичных) славянских переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина.
4. Издания других сочинений Иоанна Экзарха.

1. В период 1967—1983 г. австрийская исследовательница Линда Садник осуществила весьма полезное критическое издание текста «Небес».³² Издание основано на старейшем списке сочинения (Синод. 108 (155)) с разночтениями по 8 другим спискам; кроме того, оно сопровождается параллельным текстом греческого оригинала Иоанна Дамаскина и переводом на немецкий язык. В своем предисловии к изданию Л. Садник формулирует его принципы и дает (подчас поверхностное) описание используемых ею списков. Исследовательница говорит о 31 списке «Небес» в рукописных собраниях РГБ (причем не только в полном виде, но и в отрывках) и о 3 списках из фондов ГИМ. Она приводит конкретные, но не всегда полные данные только о 10 списках «Небес» и не отмечает ни одного из списков петербургских библиотек (между тем нами отмечено 38 списков).³³

³⁰ Vaillant A. La preface de l'Évangélaire vieux-slave // RÉS 1948 T 24, p 1—4 P 5—20

³¹ Георгиев Е. Разцветът на българската литература в IX—X в София, 1962 С 202—270

³² Sadnik L. Die heiligen Johannes von Damaskus «Εκθεσις ακριβης της ορθοδοξου πιστεως» in der Übersetzung des Exarchen Johannes Wiesbaden, Freiburg 1 Br, 1967—1983 T 1—4 (Monumenta linguæ slavicae dialecti veteris Fontes et dissertationes (далее MLS) T 5, 14, 16, 17)

³³ Sadnik L. Die heiligen Johannes von Damaskus S XIX—XXVII, Трендафилов Х. Богословие Иоанна Дамаскина в литературе Древней Руси (в печати)

Кроме того, в издании Предисловия Иоанна Экзарха Л. Садник приводит разночтения по рукописи МДА 145. Указанные списки объединены в типы по общим признакам. Издание текста «Небес» дано в 1—3-м томах, в 4-м томе приложен словарь сочинения. Можно сказать, что издание в целом исполнено очень скрупулезно, добросовестно и долго будет первоклассным источником для различного рода исследований (языковедческих, текстологических, философских и собственно богословских). Однако оно дает мало возможностей (и не имеет такой цели) для изучения движения текста «Небес», его места в книжных центрах и в литературной традиции вообще.

2. Издание литературного окружения «Небес» вызвано тем обстоятельством, что — начиная с XIV в. — в славянской рукописной традиции его текст обычно сопровождается относительно постоянным комплексом сочинений аналогичной направленности: «Диалектикой», «О восьми частях слова», Житием Иоанна Дамаскина, Определением философии Кирилла. «Диалектика» вообще занимала особое место в богословской «трилогии» Иоанна Дамаскина «Источник знания»: она служила логическим ключом к дешифровке сложного догматического содержания «Богословия». Образцовое критическое издание «Диалектики» по древнейшему южнославянскому списку XIV в. из Крушедолского монастыря с разночтениями сделано Едкартом Вайером.³⁴ Появилось два новых издания грамматического сочинения Дамаскина «О восьми частях слова», которое является постоянной частью литературного конвоя, сопровождающего «Небеса». Е. Вайер издал его старейший русский список XIV в., № 84 из собр. А. Гильфердинга, РНБ,³⁵ а в 1982 г. Л. П. Жуковской опубликован список № 90 из собр. Барсова. Этот список находится в ГИМ и кроме «О восьми частях слова» содержит «Диалектику» Иоанна Дамаскина и «Шестоднев» Иоанна Экзарха.³⁶

Издан был и старейший список пространной редакции Определения философии Кирилла, № 490 из собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, XVI в., РГБ с разночтениями по списку № 1830 из собр. Уварова.³⁷

3. Издания полных переводов «Богословия» и отрывков из его текста. В 60-х гг. был введен в науку (археографически) полный южнославянский перевод «Богословия», включающий все 100 глав Иоанна Дамаскина.³⁸ К этому надо добавить, что в тексте сербского Номоканона XIII в. был обнаружен другой, неизвестный южнославянский перевод 4 глав «Богословия» — «О небе», «О рае», «О человеке» и «О дьяволе и демонах». Публикация этих текстов опять же принадлежит Е. Вайеру. Сначала он опубликовал указанные главы «Богословия»,³⁹ а в 1987 г. вышел первый том критического издания полного южнославянского перевода этого сочинения с учетом 8 списков.⁴⁰ Вообще говоря, Вайером намечена грандиозная про-

³⁴ Weither E Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischen Übersetzung Wiesbaden, 1969 (MLS T 8)

³⁵ Weither E Die älteste Handschrift des grammatischen Traktats «Über die acht Redeteile» // Anzeiger für slavische Philologie Graz, 1977 Bd 9 S 367—427

³⁶ Жуковская Л П Барсовский список грамматического сочинения «О восьми частях слова» // Східнослов'янські граматики XVI—XVII ст Київ, 1982 С 29—51

³⁷ Трендафилов X Кириловото определение на философията — кратка и пространна редакция // Език и литература 1982 Т 38, ч 1 С 51—52

³⁸ Sadnik L Eine zweite sudslavische Übersetzung des Johannes Damascenus // Beiträge zum V Internationalen Slawistenkongress Göttingen, 1963 S 281—284 (Opera Slavica Bd 4), Ангелов Б С Пълен южнославянски препис на съчинението «Небеса» // Литературна мисъл 1967 № 2 С 132—135

³⁹ Weither E Die Kapitel des Johannes Damascenus im Anfang einiger Slavischer Nomokanonhandschriften // Festschrift für Linda Sadnik zum 70 Geburtstag Freiburg in Br., 1981 S 262—297 (MLS T 15)

⁴⁰ Weither E Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung der 14 Jahrhunderts Freiburg in Br., 1987 (MLS T 25)

грамма издания всех русских переводов «Богословия»; для реализации этой научной «сверхзадачи» потребуется, конечно, немало времени.

Второй по времени полный славянский перевод «Богословия» — перевод князей Курбского и Оболенского — давно известен славистам. Давно появилась и идея издания его текста. Г. З. Кунцевич, готовя 4-е издание «Сочинений» Андрея Курбского, намеревался напечатать его переводные труды (в том числе и перевод «Богословия» и «Диалектики») во 2-м томе, но вышел в свет лишь 1-й том. В архиве С.-Петербургского филиала Института истории РАН сохранились только фрагменты 2-го, «переводного» тома, но и из них видно, что Кунцевичу были известны 10 списков перевода «Богословия» Курбского и Оболенского.⁴¹ Однако издание этого перевода уже подготавливается Юлианой Бестер-Дильгер⁴² и будет напечатано в очередном томе MLS.

4. Тенденция издавать славянские переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина сопровождается стремлением издавать и другие, более или менее оригинальные труды Иоанна Экзарха. Здесь в первую очередь нужно отметить критическое издание капитального сочинения Экзарха — «Шестоднева», принадлежащее австрийскому слависту Р. Айцетмюллеру.⁴³ Общий интерес к произведениям Иоанна Экзарха коснулся и его торжественного красноречия, хотя ряд подлинных или спорных слов староболгарского писателя был издан еще русскими славистами в дореволюционное время.⁴⁴

Как видно из перечня изданий, славистика располагает всеми необходимыми предпосылками для изучения староболгарского и древнерусского переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина как в синхронном, так и в диахронном, историко-типологическом плане. Однако прошло уже 28 лет после выхода 1-го тома издания Л. Садник, а мы располагаем лишь немногочисленными и эпизодическими исследованиями этих проблем. Об этом говорят и современные библиографические труды: в «Библиографии...» И. Можаявой (1980)⁴⁵ отмечено 7 исследований по «Шестодневу» и ни одного по «Небесам»; в «Библиографии...» Дуйчева, Кирмачевой и Пауновой (1983)⁴⁶ отмечено 11 исследований по «Шестодневу» и 4 по «Небесам». Эта тенденция нашла отражение и в докладах, прочитанных на Первом международном симпозиуме «Иоанн Экзарх Болгарский» в Болгарии (1979 г.). Здесь, наверное, сказывается и светский (как правило) менталитет современного медиависта.

Что же все-таки было сделано по изучению «Богословия», тем более что библиографические труды не всегда дают полное представление о характере и объеме исследований?

В первую очередь была обследована философская терминология в сопоставлении с греческими терминами.⁴⁷ Второе место в работах славистов за-

⁴¹ См. подробнее Беляева Н. П. Материалы к указателю переводных трудов А. М. Курбского // Древнерусская литература источниковедение Л., 1984 С. 118—136

⁴² Ю. Б. Дильгер является также автором исследования переводческой техники Курбского Dilger J. В. Andrej M. Kurbskij als Übersetzer Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert Freiburg in Br., 1992 (MLS T 21)

⁴³ Aitzetmüller R. Das Hexameron des Exarchen Johannes Graz, 1958—1975 Bd 1—7

⁴⁴ Станчев К. Словата на Йоан Екзарх Български // Старобългарска литература 1991 № 25—26 С. 66—73

⁴⁵ Можаява И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике М., 1980

⁴⁶ Дуйчев И., Кирмачева А., Паунова А. Кирилломефодиевска библиография 1940—1980 София, 1983

⁴⁷ Weither E. Studien zur philosophischen Terminologie des Kirchenslavischen // Die Welt der Slaven 1964 Bd 9 S. 147—175, Podskalsky G. Untersuchen zur emigen Zentralbegriffen der patristischen Personspekulation in der vom Exarchen Johannes geschaffenen slavischen Übersetzung der «Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως» des Johannes von Damaskus // Ibid 1970 Bd 15 S. 147—167

нимает изучение языка «Небес». Следует выделить особо работу Е. Вайера и Х. Микласа, в которой авторы подвергли сравнительному анализу три славянских перевода одной (14-й) главы «Богословия» — «О небеси». Эта глава переведена Экзархом и неизвестными южнославянскими переводчиками XIII и XIV вв.⁴⁸ После длительного лингвистического разбора Вайер и Миклас пришли к выводу, что полный южнославянский перевод XIV в. более близок к переводу Экзарха IX в., чем перевод XIII в. В последнее время некоторые положения в этих и других работах были критически рассмотрены заново в обширном исследовании Фр. Томсона.⁴⁹

Самое большое количество статей посвящено Предисловию Иоанна Экзарха к «Небесам». Интерес вызван не только переводческими взглядами Экзарха самими по себе, но и уже упомянутой работой А. Вайяна. Анализ так называемого Македонского кириллического листка (в котором, по Вайяну, содержатся некие рассуждения Константина-Кирилла о переводе священных текстов) привел французского слависта к заключению, что в своем Предисловии Иоанн Экзарх воспользовался его текстом. По Вайяну, указанное рассуждение славянского первоучителя было написано первоначально на греческом языке, а потом переведено на славянский язык (возможно, самим Кириллом) и использовано Экзархом при составлении Предисловия к «Небесам». Последовал целый ряд работ (Троста, Наумова, Матхаузеровой, Минчевой, Добрева, Ханзака), которые углубили и уточнили наблюдения А. Вайяна. Действительно, Иоанн Экзарх воспользовался опытом Кирилла, но отнюдь не следовал механически его переводческим принципам: он стремился учесть и звуковую, и семантическую специфику языка оригинала. Там, где это было невозможно, он выступал за превосходство смысла (содержания) над буквой. Однако изучение Предисловия Экзарха привело к исследованиям теоретических и практических принципов славянских переводов в целом, к переосмыслению некоторых устаревших взглядов и поискам новых интерпретаций. Специально надо выделить в этом отношении работы Е. Ханзака: Ханзак проанализировал переводческие принципы Иоанна Экзарха в контексте позднеантичных и раннехристианских теорий языка и перевода. Согласно его мнению, староболгарский книжник пользовался одновременно двумя теориями перевода, а именно — логической и смысловой, и это привело к богатому варьированию выразительных средств в его переводах.⁵⁰

Закончим наш обзор небольшой, но очень содержательной работой Е. М. Верещагина,⁵¹ касающейся переводческого мастерства Иоанна Экзарха. Предметом анализа исследователя является «Похвала Иоанну Богослову», в которой выявляются два особых приема терминотворчества — ментализация и калькирование слов. Таким образом, на материале другого жанра (похвального слова) подтвердились и теоретические взгляды Иоанна Экзарха, и переводческая техника, использованная им в «Небесах» и в «Шестоднев». Перевод «Богословия» Экзарха — в сопоставлении с переводом XIII слов Григория Богослова — касается и работа С. В. Дегтева.⁵²

⁴⁸ Вайер Е, Миклас Х Преводачески похвати в Богословието на Иоан Екзарх в сравнение с по-ксни паралелни преводи // Старобългарска литература 1986 № 19 С 29—59

⁴⁹ Thomson F John the Exarch's theological education and proficiency in greek as revealed by his abridged translation of John of Damascus' «De fide orthodoxa» // Palaeobulgarica 1991 T 15, ч 1 С 35—58

⁵⁰ Hansack E 1) Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven 1981 Bd 26 S 15—36, 2) Das kyrillisch-mazedonische Blatt und der Prolog zum Bogoslovie des Exarchen Johannes // Ibid 1986 Bd 31 S 336—414

⁵¹ Верещагин Е М К дальнейшему изучению С 64—85

⁵² Дегтев С В Замечания о двух переводах в составе сочинения Григория Назанзина «Тринадцать слов» // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян М, 1991 С 36—41

Настоящий обзор важнейших этапов изучения славянских переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина позволяет наметить главные задачи, которые стоят перед славистами.

1. Необходимо уточнить отношение перевода «Богословия» к другим (древнейшим) переводам патристических сочинений, выявить текстологическую связь между ними. Ибо «Богословие» как патристический компендиум должно порождать (и порождало) другие переводы отцов церкви и служило им образцом.

2. Крайне неудовлетворительна археографическая характеристика — как самого перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина, так и его Предисловия. Археографический перечень списков «Небес» в контексте его литературного конвоя важен для определения параметров «функционального поля» сочинения, т. е. где, когда, кем и как оно было использовано. Ведь, подобно Библии, текст «Богословия» в ключевые эпохи переводился заново или подвергался редакционной правке. Поэтому нужно уточнить характер и причины появления новых переводов, их распространение в отдельных культурных центрах и очагах Древней Руси и вообще православного славянского мира.

3. Из уже сказанного вытекает и задача уточнить место «Богословия» в историко-литературных и идейных процессах развития старославянских литератур. Это относится прежде всего к древнерусской литературе: именно она не только сохранила перевод (и Предисловие) Иоанна Экзарха, но и активно использовала его текст с точки зрения своих конкретных идеологических, литературных и образовательных задач. В той или иной степени это характерно и для других переводов «Богословия», хотя они и не получили большого распространения в древнерусской литературе. В первую очередь это относится к переводу «Богословия» Епифания Славинецкого (изданному в Москве в 1665 г. вместе с другими переводами отцов церкви), который совершенно не изучен.